

Сатирикон

SATIRIKON

№ 22 1953

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

К снижению цен в СССР

ЦЕНЫ ПониЖЕНЫ

— Добирайте, добирайте остаточки, полдесятка грош цена!

17 апреля с. г. Эйзенхауэр в своей речи предложил правительству СССР ряд конкретных мер по укреплению мира. Советская печать соглашается эти мероприятия „обсудить“.

СЛОВА И ДЕЛА

Одни говорят, другие действуют... Так было от века, — и напрасно эмиграция против этого протестует.

Протестовать, конечно, надо — но по другому поводу, хоть и в связи с этим. А почему, мол, это так происходит, что во всемирной схватке сил свободы и сил тирании первые «сражаются» больше словом, а вторые — действиями?.. Мы понимаем при этом так, что пустословием могут оставаться и некоторые «дела», и делом становятся настоящие в настоящее время и по настоящему сказанные слова. Мы понимаем при этом и то, что силы зла свободнее в действиях, ибо для них все средства хороши.

Вот по какому поводу следует протестовать! Это будет протест — «за», за перевооружение нашего стана, за боевую действительность наших сил...

Два года тому назад (в мае нам стукнуло два года!) «Сатирикон» стал на путь борьбы, приветствуя всех до него действовавших соратников. Именно, действовавших: лагерь свободы и мира должен быть активнее и реально сильнее диктатуры и агрессии.

«Сатирикон» не оказался последним (хронологически) в общих рядах. Родились и быстро выросли новые силы. А с ними менялся стиль и размах борьбы: мы стали все **ощутимее** переходить от слов к действиям...

Мало того, мы стали наступать... Чем же, как не наступлением, является выход самого, пожалуй, молодого отряда наших сил — Центрального Объединения **Послевоенных** Эмигрантов — на передовые позиции в Берлин. В активе этой организации уже много действий, а ее обоснование в Берлине — несомненная победа на фронте психологической войны.

О победах, вообще, не лишне вспомнить теперь, когда «там» в девятый раз отпраздновали День Победы. Был такой торжественный день восемь лет тому назад — и за эти небольшие годы выплынул и выцвел... Силой коммунистической магии Народ-Победитель — снова побежденный народ-раб.

И, вот, дерзкие у нас бродят мысли. Не уходят и крепнут. Утверждаются! Не станет ли **десятый** День Победы днем **нашей** победы, днем подлинной, выстраданной и заслуженной, **победы народа** над своими угнетателями...

Для такого нашего дерзкого думания основания имеются. Не к ночи будь упомянут, — покойный всеобщий «отец и учитель» учинил, таки, своей смертью порядочную брешь в «здании коммунизма». И в брешь эту все сильнее долбят теперь со стороны свободного мира освободительные силы и, что грех таить, не отстаем и мы...

Нам хотелось бы привлечь к этому занятию всех — всех, кто любит свой народ, кто искренне стремится увидеть освобожденную Родину, кто жаждет мира. В нем — в занятии этом — уже заложена радость предчувствия Великого Праздника Освобождения.

Во первых — действия, во вторых — действия, в третьих — действия. Таковы наши средства в борьбе. Объединение и координация действий — таков метод их применения.

Эйзенхауэр: — Ну, давайте действовать!

Маленков: — Нет, давайте еще поговорим.

В своей исторической речи, произнесенной 17 апреля сего года в Американском союзе газетных издателей, президент США Эйзенхауэр прежде всего напомнил о том, как американские и советские солдаты встретились в центральной Европе весной 1945 года. Мы тоже хотим напомнить, как именно они встретились и с этой целью публикуем фотографию, относящуюся к тому времени. Вряд ли коммунисты посмотрят на нее сегодня без внутреннего содрогания: ведь, несмотря на оголтелую антиамериканскую пропаганду кремлевских заправил, вот эти самые ребята, которые уничтожили гитлеризм, уничтожат и коммунизм. Боевая дружба — дружба навеки.

Вежливость с убийцами

(Размышления о демократии)

В раннем детстве демократия представлялась мне очень просто. Я полагал, что демократы — это люди, которые ходят без пиджаков, в одних подтяжках, и при этом постоянно извиняются. Такое ложное убеждение сложилось у меня из-за нашего соседа по даче, Федора Феофилактовича. Он часто появлялся в таком виде у нас на веранде в тот момент, когда к нам приезжали из города гости. Это смущало моих родителей. Но моя тетя (окончившая высшие женские курсы и носившая пенсне) неизменно возражала:

— Ах, к чему эти условности и словесные предрассудки! Разрешите человеку ходить по-демократически!

Позже я понял, что не все демократы ходят в подтяжках, хоть извиняться они, все таки, любят. Я понял, что демократия — это такая штука, которая дает много пищи для размышлений.

Взять, хотя бы, Англию. Так сказать, страну классически-демократическую. В этой стране жил и служил чиновник Кристи. Не так давно его арестовали. Выяснилось, что Кристи во внеслужбное время занимался тем, что убивал женщин. Он задушил свою жену, жену своего приятеля и еще двух особ женского пола, после чего замуровал их в стенах своей квартиры.

Как же реагируют некоторые органы английской прессы на этот прискорбный факт? Вот вам газетные заголовки:

«Вполне ли нормален мистер Кристи?»
«Домашний врач Кристи замечал странности в его характере.»

«Кристи убивал в полнолуние.»

Иными словами, некоторые представители английской демократической прессы интересуются не столько убитыми и их родственниками, сколько тем, чтобы поступить с мистером Кристи по возможности гуманнее. Ибо повесить человека со «странностями в характере» — недемократично. «Это равносильно убийству», — пишут газеты.

Конечно, душить жен (в особенности чужих) — явление ненормальное. Но, в таком случае, возможна такая сценка.

Редактор ультрадемократической газеты сталкивается носом к носу с грабителем, проникшим в его квартиру.

— Что вам угодно? — спрашивает редактор.

— Хочу тебя ограбить, а потом кокнуть для ясности, — отвечает разбойник с большевистской прямоотой.

— Должен предупредить, мистер убийца... Впрочем, я не могу называть вас так, пока вы меня не убили и ваша вина не доказана на суде. Должен предупредить, сэр, что я буду защищаться. Но сперва я прошу вас сообщить, не было ли в вашем роду шизофреников и лиц, страдавших меланхолией?

Сверхдемократический редактор должен был бы поступить именно таким образом. Он мог бы, разумеется, стук-

нуть душегуба, без дальних слов, кочергою по голове. Но вдруг бандит не совсем нормален и отличается какими-нибудь странностями? Ведь, в таком случае, это будет убийством!

Еще хуже, когда «вежливость с убийцами» переносится, так сказать, из частной жизни в политическую. Недавно в Западной Германии проведена, так называемая, «акция Вулкан». Полиция «взорвала» советскую шпионскую организацию и арестовала 38 человек. По этому поводу комментатор распространенной западногерманской газеты задает следующие «вопросы правительству»:

— Почему до сих пор не опубликованы фамилии арестованных лиц? Почему суд над ними состоится только осенью? Почему не дают прессе исчерпывающей информации по этому делу? Разве мы живем не в демократической стране?

Повидимому, комментатор представляет себе полноценную демократию в таком виде:

— Гутен таг, герр унтерзунхунсрихтер! Когда состоится суд по «акции Вулкан»?

— О, на этой же неделе. Правда, за столь краткий срок не удалось распутать всего, как следует, но нельзя же морить людей без свежего воздуха в такое прекрасное время года! Кстати, мы предполагаем арестовать еще Мюллера, Обермюллера и Унтермюллера. За ними, как раз, идет слежка. Не забудьте сообщить об этом читателям!

Есть демократы, которым приятнее сидеть на «вулкане», чем его ликвидировать. Мы к их числу не принадлежим. К счастью, и на Западе далеко не все путают демократию с клубом самоубийц.

ЮМ

Проехав «камень преткновенья»
Уже кричат: «Долой сомненья!»

Мы говорим: «Наоборот,
Опасен так же поворот!»

Мам

ТАК РАСТЕТ КЛЮКВА

Как-то на рассвете Маленков и Берия вошли в один из казематов Спасской башни. Именно здесь помещались сложные подъемные механизмы Железного Занавеса. От долгого неупотребления стальные канаты поржавели, а зубчатые колеса покрылись толстым слоем пыли.

— Все-таки, попробуем, — сказал Маленков. — Авось, цепи не оборвутся. — Берия нажал на рычаги управления, заскрипели лебедки и занавес приподнялся, образовав небольшую щель.

В эту щель немедленно устремились десять журналистов. Пять жизнерадостных спортинг-лэди и столько же бодрых молодых людей. Еще в четверг они были в Берлине, а сейчас в Брест-Литовске. Пограничный укрепленный район.

— Здесь двадцать второго июня 1941 г. наши доблестные бойцы двадцать два года... кхе... кхе... двадцать два дня, хотел я сказать, отбивали яростные атаки фашистских захватчиков, — пояснил гид.

— Н-да, — протянул Боб Слэнг, сощеря лопух, выросший на развороченном цементе. — Может быть, здесь когда-нибудь и были укрепления. Но он был журналистом и уверенно записал в блок-нот:

«Нам разрешили доступ в пограничный город Брест-Литовск и мы имели возможность осмотреть укрепления. Они напомнили мне развалины Трои.»

По дороге в отель мисс Вивиан Крукс задержалась перед витриной магазина.

— Вы можете совершенно безболезненно войти внутрь, мисс, — заметил гид. — Как видите, наша промышлен-

ность производит гораздо больше иглолок и пуговиц, чем танков.

— Неужели? — радостно удивилась Вивиан Крукс.

— Совершенно точно, — заверил ее сопровождающий. — В 1952 году мы выпустили сто двадцать миллионов триста семьдесят пять тысяч четыреста двадцать пуговиц. Танков мы выпустили значительно меньше.

— Поразительный факт! — воскликнула мисс Вивиан, отмечая его в записной книжке.

Блестевшая на солнце птица из дюрала доставила гостей на Внуковский аэродром. Мелодично запели клаксоны и несколько «Побед» понеслось к Кремлю.

— Кремль! Мы въезжаем внутрь! Не может быть! — прошептала Вивиан.

Водитель мягко затормозил.

— Может быть, лэди и джентельмены пожелают сделать фотографии? — любезно осведомился гид.

— Сенсационно! — лепетала покрасневшая от волнения мисс Крукс. — Шапкой на первой полосе: «По ту сторону кремлевской стены»...

— Так то оно так, — думал Боб, поворачиваясь во все стороны, присматриваясь, что бы щелкнуть и везде натываясь на угрюмые кирпичные стены.

— Здесь часто проходил товарищ Сталин, когда шел на трибуну, — объяснял гид. — А там он любил гулять. Здесь он однажды разговаривал с товарищем Молотовым. Вы можете это щелкнуть, мисс, на эту тумбу товарищ Сталин один раз чуть-чуть не споткнулся, но его успел предупредить Маленков. А тут...

— Боб, — у меня кончился фильм, — беспомощно проронила мисс Вивиан, и Боб отдал ей свой.

— Хорошая девушка, — подумал он и записал себе в блокнот:

«Култ Сталина продолжает подерживаться на той же высоте, что и раньше. Некоторые наблюдения позволяют заключить, что в политике будет иметь место известная преемственность.»

После осмотра Кремля журналистов повезли на завод, который не удавалось осмотреть ни одному журналисту вот уже несколько десятилетий.

— Подумайте, Боб, — тараторила Вивиан, — и мы первые увидим все это. «Впервые за четверть века» — блокшифтом на вторую полосу, всего восемьдесят строк, окончание на восьмой полосе. Как вы думаете?

— Завод, конечно, перевыполнил план? — осведомилась Боб.

— Разумеется.

— Какие галстуки предпочитает лучший стахановец завода? Какой его любимый напиток? Виски без соды? О-кей! Вечером в отеле Боб и Вивиан обменялись своими записными книжками, чтобы сделать критические замечания. Мисс Вивиан Крукс читала внимательно и молча. Кончив, она отложила блокнот в сторону и сказала уверенно:

— По-моему, Боб, в ваших записях маловато оптимизма.

— Нисколько, — ответил Боб Слэнг. — Во всяком случае, на больший оптимизм я неспособен. И так воротит с души.

— А что вы сделаете, если редактор, — он, ведь, у вас заядлый оптимист, — посмотрит пессимистически на ваш репортаж и выгонит вас вон?

— Поеду в Калифорнию. Там на сборе апельсинов всегда нужны рабочие руки.

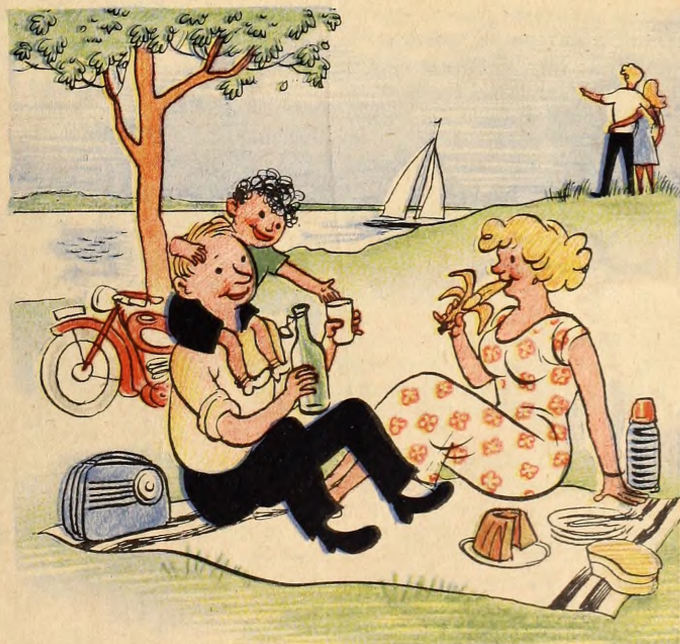
Софья Бах

Первомайские торжества

Рис. ЕЖА (Амстердам)

В СТАНЕ БОРЦОВ ЗА МИР

СРЕДИ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

КОМБИНАТ НЕУДОБСТВ

«... Пока звучали приятные речи жизнь на станции текла своим чередом. Вышедших на платформу пассажиров, правда, несколько смущал странный контраст между свеженьким, только что выкрашенным зданием вокзала и вздыбившимся «точно море в час прибой» асфальтом на перроне.

— Это все наши строители, во главе с товарищем Кругловским, постарались, — отвечали железнодорожники на недоуменные вопросы пассажиров. — Уж такие работяги: строят, ломают, заливают перрон асфальтом и обратно ломают...» («Правда», № 81 за этот год).

Товарищ Кругловский, действительно, постарался. Так сказать, «закруглился» к нужному сроку. Обошлась постройка вокзала государству тоже в «кругленькую» сумму. Но при ближайшем рассмотрении на вокзале не оказалось «круглым счетом» ничего, что обычно украшает жизнь рядового путника.

К удивлению пассажиров, буфет был закрыт. Оказалось, — не работала кухня. А, как известно, без кухни буфет, как без пуговиц жилет или без мушки пистолет.

На новом вокзале не оказалось также и парикмахерской. Архитекторы не желали учесть такого широко распространенного явления, как отрастание бороды и усов у мужчин.

Впрочем, разве лишь на одной станции Унеча все выглядит таким образом? По сведениям, почерпнутым нами из советской печати, на станциях Кричев, Щорс, Рогачев и Слуцк той же Белорусской железной дороги вокзалы спроектированы по не менее оригинальным замыслам. В «комнату матери и ребенка» в этих зданиях можно проникнуть только через буфетный зал. И вот тут то и сталкиваются непримиримые житейские противоречия. С одной стороны —

Там бубна звон,
Гитары стоны...

Это звенят разбитые бутылки и стонут от восторга подвыпившие путники. С другой стороны стонут невинные младенцы, а матери им бубнят:

Спи, младенец мой прекрасный,
Ваюшки баю!
Только это все напрасно
Я тебе пою,
Потому что там у стойки
Люди водку пьют, —
И вокзал подобной стойки
Для детей — капут...

„Замечательный советский писатель П. Бажанов, — меланхолически пишет корреспондент «Правды», — говорил в одном из своих сказов о «живинке в деле». Какую великолепную «живинку» можно проявить в таком благородном труде, как бытовое обслуживание советского человека!»

Проявить, конечно, можно, — но почему-то не проявляют. Очевидно, трудно проявить «живинку» в мертвом царстве советского бюрократизма. И для «советского человека» так называемое «бытовое обслуживание» (удивительно живое, искрящееся выражение!) обертывается не «живинкой в деле», а «занозой в теле».

Д. Гантимуров

Странные явления

Рис. С. БУХТЫ-БАРАХТЫ

Американское правительство предложило коммунистам, отбывающим тюремное заключение за просоветскую деятельность в США, выехать в Советский Союз. Поклонники СССР отказались принять это предложение.

— Лучше сидеть в американской тюрьме, чем лежать в советской земле!

Рис. ТОРСО

Несмотря на заверения восточно-германской печати о том, что в „Германской Демократической Республике“ господствует „политическая свобода“, поток беженцев оттуда не прекращается, принимая временами стихийный характер.

— Лучше „капиталистический ад“, чем „коммунистический рай“!

РОМАНТИКИ

Бригадир Прохора Захарова и колхозника Захара Прохорова направили в район за семенами.

Семена получили, продукты продали и, как полагается во всем православном мире, решили это дело замочить. Заехали в чайную, заказали графинчик очищенной. Выпили. Крякнули. Еще раз выпили. Еще раз крякнули. Закусили крутым яйцом. Потом повторили. В чайной сидел еще человек, по обличью рабочий. Перед ним тоже стоял графинчик, но закусывать — он не закусывал, поскольку в чайной кроме пива и водки иных продуктов питания не водилось.

— Присаживайся к нам, мил человек! — пригласил бригадир. — Вот, облупи яичко да поешь, а то окосеешь.

Рабочий взял со своего стола графинчик и стакан и подсел к колхозникам. Оказался он литейщиком из соседнего города. Приехал навестить дочку.

Выпили. Крякнули. Закусили. Повторили.

— Ну, как у вас в колхозе? — спросил рабочий Пров Хазаров.

— Да, что, друг, весна, сеем...

— Смерть дорогого учителя, товарища Сталина, справляли?

— Справляли. Вся деревня пила два дня без останова.

— Ну, и как?

— Да что, собрание, конечно, было. Наш пастух Иван Кулак — так мы его еще в 1930 году прозвали, потому он против колхозов был и его раскулачивать хотели, да только ничего кроме старых лаптей в избе не нашли, — так вот, Иван Кулак выступил и говорит: — «Когда мы услышали, что дорогой товарищ Сталин написал новый экономический труд, сразу почуяли мы, что великий вождь стал на голову слабават и все боялись, как-бы не хватил его кандрашка. И вот, наконец, хватил. Да здравствует смерть товарища Сталина и его ближайших соратников!»

Посмеялись. Выпили, Крякнули. Закусили.

— Ну, и что, не взяли его?

— Пока нет. Прямо удивительно, какое послабление пошло от власти. Раньше бы за шкурку и в конверт, а теперь... Ведь, что делается: цену на соль на две копейки снизили, амнистию дали, докторов-отравителей оправдали, министра безопасности посадили и за конституцию пишут, что ее даже выполнять надо. Ведь, какой размах товарищ Маленков взял! Хочет, значит, послабление трудящему народу сделать.

— Выпьем! — крикнул Захар Прохоров, до сих пор не принимавший участия в беседе. — За товарища Маленкова! Пусть живет, пока не помер...

Выпили. Крякнули. Закусили. В головах появилась какая то необыкновенная ясность.

— Да, на поправку время пошло! — бодро сказал рабочий Пров Хазаров. — Ежели по конституции жить будем, так, ведь, свобода слова, свобода собраний, — людьми станем! Да, ведь, тогда, может, и за опоздания судить не станут? Может, нормы снизят, вздохнуть дадут?..

— Конечно! Могут свободно трудовому крестьянину приусадебный участок прибавить, вместо пятнадцати соток до пятидесяти... Разрешат курей и уток разводить, свинку иметь, коровку растить... Мануфактурки подбросят, сахарку к чаю... Да, Боже ты мой, Господи! Ведь, ежели подумать, жить можно будет... Выпьем!

— Теперь, ежели по конституции, полная свобода слова. Говори, что хочешь, и никакой тебе сексот не может поперек сказать! — восторженно выкрикнул Прохор Захаров. — Может, и насчет колхозов волна назад пойдет...

— Распустят! Как пить дать, распустят! — поддержал Захар Прохоров. — Раз конституция, значит живи, как хочешь. Колхозы долой — раз. Землю мужику — два. Строй, сей, паши на полную волю. Лошадь — своя, изба — своя...

— Рабочий куда захотел, туда и иди, трудись на себя, займов не бери — вставил Пров Хазаров.

— Без займов! На какой они нам хрен! Живи, трудись, радуйся... А, может, и партию отменяют?

— Платить рабочему по человечески будут?

— Даешь свободу!..

Пили, кричали, плакали от радости. Сокровенные свои мысли слезой обливали и, казалось, уже все совершилось: они свободны, только и слышно было: «Амнистия! Конституция! Докторов выпущали! Цены снизили! Колхозы устраняют! Свобода слова!»

И, вдруг, посреди этого восторженного гама в чайную явились двое из райотдела МГБ.

— А ну, кончай вольнюку! Пошли!

— Куда пошли? — спросили ословелые друзья. — Не можешь! Права теперь не имеешь! Свобода слова! Конституция!

— А, вот, мы сейчас пощупаем твою собственную конституцию, крепкая она или нет! — сказал один из эмбестов, ощерив в улыбке золотые зубы. — Ну, гады, вылетай!

Зерно домой колхозники не привезли. Тем не менее, в нашей истории имеется довольно крупное зерно истины.

Г. Горин

Женское равноправие в СССР

Рис. ТИТА

В ПОЛИТИКЕ

В ТРУДЕ

В ЭКОНОМИКЕ

И ВООБЩЕ В ЖИЗНИ

Под Тельцом — созвездие Овна. Оно не переименовано, но изображается уже не в виде барана, как раньше, а в виде головы Молотова. Многие астрономы не замечают этой тонкой разницы.

Созвездие Рыб, наоборот, переименовано в созвездие депутатов Верховного Совета СССР, но изображается по-прежнему в виде безголосных линьков. Линьки эти держатся довольно близко к созвездию Вышинского (бывшее созвездие Водолея).

Созвездие Козерога на советском небе сейчас отсутствует: Козерог, как будущий козел отпущения, находится в резерве, на случай каких-либо перемен в кремлевском руководстве. Так что пока Козерога не видно. Зато созвездие Булганина (бывшее созвездие Стрельца), как говорится, «оружьем на солнце сверкает под звуки лихих трепачей».

Созвездие Скорпиона, само собой разумеется, носит имя Берии, но созвездие Весов, после долгих споров, все же осталось за Микояном (Берия утверждает, что он вешает лучше, чем Микоян обвешивает).

Что касается созвездия Девы, то ему временно присвоено имя профессора Лепешинской. Эта дева, как известно, много лет разрабатывает проблемы советского долголетия и решила не выходить замуж раньше, чем не отпразднует свой 150-ый день рождения. Сейчас ей только 82 года и она считает себя еще подростком.

Над принципиальной девой — созвездие нового раздатчика орденов Клима Ворошилова (бывшее созвездие Льва, а, вернее, созвездие Бывшего льва).

Замыкает круг советских маниакальных созвездий созвездие Рака. Оно символизирует сейчас снижение цен, ведущее к дальнейшему росту благосостояния населения Советского Союза, ведомого маленьковцами вперед, к коммунизму.

Из других созвездий на советском небе выделяются сейчас созвездия Мао Цзе-дуна (бывший Дракон), созвездие Государственного Займа (бывший Насос) и созвездие Лягавых (бывшие Гончие Псы), но оно в данный момент скрыто луной.

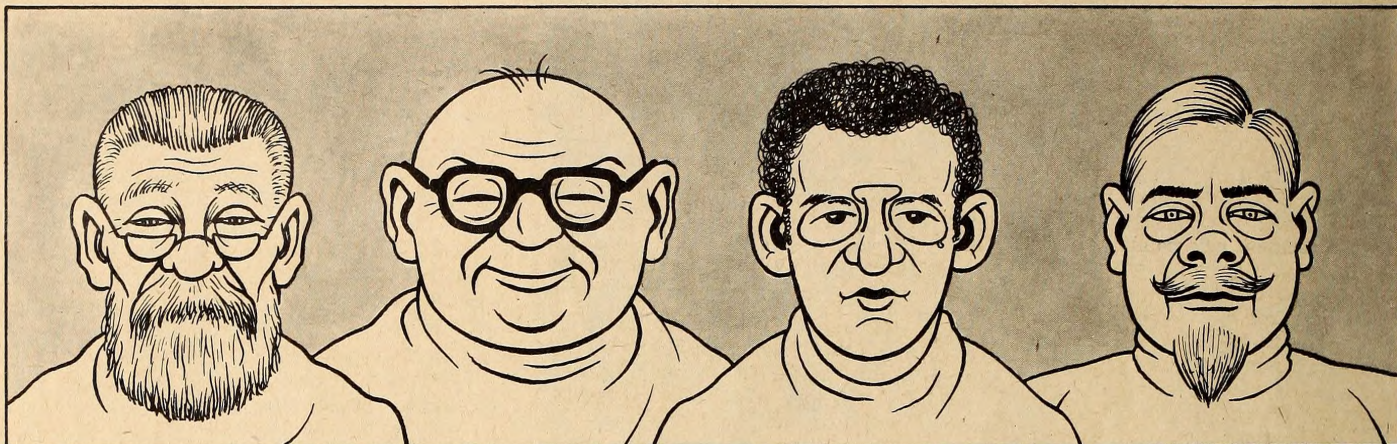
Хорошо виден след от кометы Анны Паукер. В центре же советского неба вы видите созвездие Медведя, полученное в результате слияния Малой и Большой Медведиц. Это тот самый «медведь» (долг в несколько миллиардов долларов), которого Сталин во время прошедшей войны «привязал» США. К счастью для коммунистов, «медведь» этот не рычит, а безмятежно дрыхнет. Повидимому, его усыпил протекающий поблизости Государственный Спирто-Водочный путь (бывший Млечный).

В левом верхнем углу горит ядовитая по своему составу пятиконечная звезда (бывшая Антарес).

Таковы знаки маниака и другие созвездия на сегодняшнем небе Советского Союза. Но, как мы уже говорили, они блекнут и вскоре совсем исчезнут по той простой причине, что приближается неотвратимая Заря Освобождения.

Неприкосновенность личности в Советском Союзе

Рис. Н. ОЛИНА

Группа советских врачей до того, как они полностью признали свою вину.

Те же врачи после того, как следственные органы признали их невиновными.

Чувствительный президент

«Распространение контрреволюционных анекдотов», — типичное «преступление» гражданина СССР, — становится также излюбленным развлечением в часы досуга в различных «народно-демократических» странах.

Так, например, по имеющимся у нас сведениям, в Чехословакии очень популярны сейчас следующий анекдот:

Почуввав приближение смерти, президент Чехословацкой Республики Готвальд (ныне покойный) решил совершить инспекционную поездку по всей стране. Первый визит он нанес детским яслям в Праге.

— В чем вы нуждаетесь? — спросил президент.

— Нам нужно двенадцать тысяч на молоко для младенцев — ответила заведующая этим заведением.

— Хорошо, будет детишкам на молочко. Я внесу ваше пожелание в следующий пятилетний план — ответил Готвальд.

Затем он посетил большую школу и опять обратился с вопросом о нуждах школьной администрации.

— О, мы обошлись бы, на первое время, и сорока тысячами крон. Эта сумма нужна нам для приобретения школьных пособий, — ответил директор школы.

— Хорошо, — сказал президент. — Ученье свет, а неученье тьма. Я внесу вашу заявку в текущий пятилетний план.

Следующим объектом осмотра была пражская тюрьма.

— Какие у вас планы на будущее? — осведомился президент.

— Для расширения предприятия нам потребуется в ближайшее время десять миллионов крон — ответил начальник тюрьмы.

— Приезжайте завтра, получите деньги немедленно! — заявил Готвальд.

— Товарищ президент, почему вы бросаете такую огромную сумму на тюрьму, да еще наличными? — робко спросил один из сопровождающих президента министров.

— Должен же я перед смертью позаботиться о своих друзьях! — с чувством ответил президент.

Частушки

Папа Сталин деток бросил,
Будет с Лениным лежать
И у дьявола в колхозе
Пятилетки отбывать.

Чтоб спасти здоровье «папы»,
Потрудились эскулапы.
И теперь для них секрет:
Арестуют или нет?

Стало тесно в мавзолее,
Это здание старо.
Стройте новое скорее
Для всего политбюро.

Все в России слезы льют:
В мавзолее на жительство
Только Сталина везут,
А не все правительство!

Ожидали перемен —
Маленков пришел взамен.
Ничему не верю я,
Коль остался Берия.

Говорили, будто ново
Управленье Маленкова, —
Вышло все наоборот:
Новый «папа» — старый гнет!

Альфа

НЕ НОРМАЛЬНАЯ НОРМА

Шутка в одном действии П. Дорна

Больница в одном спутниковом государстве. К кабинету сидит директор больницы Скелетов. Входит заведующий государственной похоронной конторой Саркофагов.

Саркофагов: Да здравствует свобода! Я к вам, товарищ Скелетов.

Скелетов: Хорошо, что вы пришли. Я только собирался ответить на ваше дурацкое послание. Чего вы, собственно, от меня хотите?

Саркофагов: Извините, товарищ Скелетов, но я, как руководитель государственного похоронного бюро имени товарища Димитрова протестую против того, что вы срываете наш производственный план! Мы прикреплены к вашей клинике и можем получать наше, так сказать, сырье только от вас. За прошлую неделю мы захоронили на 11% ниже нормы. Как это нужно понимать? С чего мы должны жить, если не получаем покойников?

Скелетов: Интересно! Вы, значит, считаете, что из-за вашей нормы мы должны срывать свою собственную? У нас должно умирать 4,5%! Не больше, и не меньше! (Стук в дверь. Вбегает главный врач Кадавров).

Кадавров (взволнованно): Ради Бога, товарищ директор... «Скорая Помощь» доставила тяжелораненого... несчастный случай... пролом черепа и расплющена печень... я уже сообщил в операционную!

Скелетов: Вы спятили? Пролом черепа и печень! Этого только нам не хватало! Чтобы он тут помер мне на операционном столе! Немедленно отправить в больницу имени Вышинского. Там он может пригодиться. Там, кажется, еще недовыполнена норма смертности.

Саркофагов: Но, товарищ Скелетов! Неужели у вас хватит духа отправить мой труп дальше?

Скелетов: То есть, как «ваш труп»? Большой еще жив.

Саркофагов: Это потому, что вы его еще не оперировали. (Умоляюще): Товарищ Скелетов! Будьте человеком!

Кадавров: Правда, товарищ Скелетов! Почему бы нам не попробовать сделать операцию? Недавно вы ведь оперировали больного с проломом черепа. Операция удалась блестяще! Когда больной покинул операционный стол, он был уже вне опасности!

Саркофагов: Нет, нет, только не надо перегибать палку. С меня хватит, если больной ляжет на операционный стол.

Скелетов: Гм... в конце концов можно было бы попытаться. Позвольте, вы, кажется, упоминали о том, что у него вдобавок расплющена печень?

Кадавров: Это только мое предположение.

Настоящий скетч написан венгерским политическим эмигрантом, профессором П. Дорном, примкнувшим к коллективу сотрудников «Сатирикона»

Скелетов: Так! И вы хотите, чтоб я из-за вашего предположения наверняка сорвал выполнение плана смертности? Оттранспортируйте пострадавшего сейчас же прочь!

Саркофагов: Я протестую! Этот мертвец для вас ноль без палочки, а для меня это вопрос жизни и смерти!

Скелетов: Мне очень жаль, коллега Саркофагов, но я сделал для вас все, что мог. Кстати, кто, собственно, этот кандидат в покойники?

Кадавров: В его кармане найдено удостоверение ЦК партии, согласно которого...

Скелетов (вскакивая): От ЦК партии? Об этом вы сообщаете только сейчас?! Немедленно подготовьте операционную! Дезинфицируйте инструменты! Оперировать, не теряя ни секунды!

Кадавров: ... согласно которого он работал в ЦК два месяца истопником.

Скелетов: Что? Истопником? И вы думаете, что из-за истопника я буду портить свою статистику? К черту! Наверно, он был пьян, как стелька, поэтому его и переехали! Здесь он у меня не поживится, этот...

Кадавров: Царанов. Его фамилия стоит в другом удостоверении, выданном МВД...

Скелетов: МВД! Вы сошли с ума! Чего же вы стоите! Бегите в операционный зал! Приступ...

Кадавров: Удостоверение от МВД. В нем сказано, что Царанов отпущен на свободу впредь до особого распоряжения.

Скелетов: До особого распоряжения? Не будем больше терять времени попусту и займемся об этом типе. Он недостоин того, чтобы умереть в нашей клинике!

Саркофагов: Я протестую! Каждый гражданин нашей народной республики имеет право умереть там, где он хочет!

Скелетов: Но не срывать при этом производственный план! Сейчас мы принимаем только тех, кто собирается выздороветь! Покойники нам не нужны!

Саркофагов: Но зато нам они нужны! Вы не имеете права лишать нас сырья! Кого мы будем хоронить, если у нас нет покойников?

Скелетов: Я не нуждаюсь в вашем решении! Товарищ Кадавров! Идите и скажите «Скорой Помощи», чтобы она убрала этого раненого субъекта, или... (дверь раскрывается, входит врач «Скорой Помощи»).

Врач: Товарищи, сколько можно ждать? «Скорая Помощь» тоже должна выполнять свой план. Мы привезли вам пострадавшего — и точка.

Скелетов: Об этом не может быть никакого разговора! Везите его дальше! Мы не можем его принять, поскольку наша норма смертности в этом месяце уже выполнена. Кто хочет умирать, должен подождать до первого числа. Кроме того, мы не имеем свободной кровати.

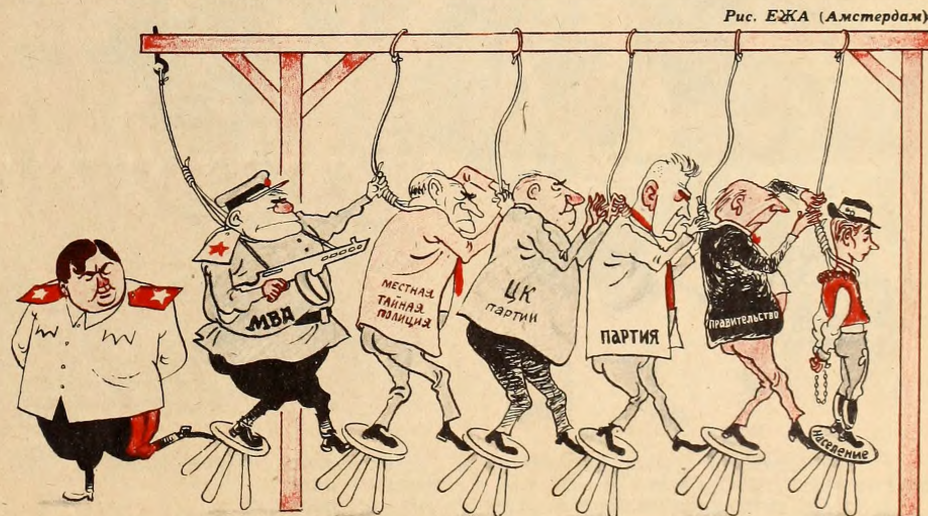
Врач: Кровати? В данный момент ему нужен уже только гроб, товарищи.

Саркофагов: Гроб? Товарищ Скелетов, сердечное спасибо! Вам я обязан выполнением своего месячного плана!

Скелетов (горько): Вы выполните его, а я...

Саркофагов: А вы его перевыполните! Понятно? Только и всего!

(Занавес)

СТРУКТУРА САТЕЛЛИТА

РИФМЫ ДНЯ

Рис. ТИТА

Вот и праздник первомайский
По примеру прошлых лет —
И впервые в жизни «райской»
Виден на небе просвет.

Далеко до перемены
Радикальной, так сказать,
Но кремлевской власти стены
Стали трещины давать.

Их подмазывают как-то,
Подпирают там и тут,
Но, увы, не скроешь факта:
Стены все-таки сдают.

Их напрасно моют, чистят —
Не спасти дырявых стен
Ложью липовых «амнистий»,
Чепухой сниженья цен.

Все-же «папина» заслуга:
Он держал умело кнут, —
Без него-ж «вожди» друг друга
Потихонечку грызут.

Веткой мира «на арапа»
Нежно машет Маленков,
Но... прекрасно понял Запад
Этих «мирных» голубков.

Александр Ли

В СССР арестовано несколько ответственных работников госбезопасности за то, что они „подделывали показания“ кремлевских врачей и, допрашивая их, применяли методы, „строго запрещенные советской конституцией“.

ОН НЕ ЗНАЛ, ЧТО ДЕЛАЛОСЬ У НЕГО ЗА СПИНОЙ!

Рис. В. СУРОВА

— Бабушка! Я арестовал сестру за несоблюдение бдительности! Она открывала клетку в то время, как я открывал окно!
— Но, ведь, клетка стоит у нас давно уже пустая.
— Это ничего не значит. В ней могла быть птичка!

Грамотные лошади

Николай Васильевич Гоголь был большой фантазер. Как известно, в рассказе «Страшная месть» у него внезапно засмеялась лошадь, немало смутив этим своего всадника.

Однако, даже Гоголь не утверждал, будто бы лошади умеют читать и писать. Мы хорошо знаем произведения нашего любимого писателя и решительно не можем припомнить, чтобы в них фигурировали кобылы, читающие модные романы и строчащие любовные записки, или жеребцы, подписывающие завещания и купчие крепости.

Но то было в далекие времена мрачного царизма, в дореформенной, «гоголевской» России. С момента октябрьской революции просвещение на нашей родине быстро пошло вперед. Советская власть ликвидировала неграмотность среди населения и, повидимому, также и среди лошадей.

По крайней мере, заместитель управляющего трестом «Ворошиловградмстуголь» сообщил в письме на имя редактора газеты «Ворошиловградская Правда» о следующем любопытном факте:

«Конюха т. т. Колбаса, Чумак и Кобылка подтверждают, что это сено ими израсходовано на кормление лошадей, о чем последние расписались в ведомости о получении ими сена».

Из этого документа ясно, что лошади в СССР (даже не считая конюха Кобылки) стали вполне грамотными.

Правда, из этого же документа явствует, что зато некоторые ответственные работники Советского Союза (мы отнюдь не намекаем на заместителя управляющего труднопроизносимым трестом) несколько утратили свою грамотность (при условии, что они ее имели).

Но тут уж ничего не поделаешь — каждая медаль имеет свою обратную сторону!

УВАГА ЖИТТІВ! ГОВОРИТЬ

Як Одисей...

Як Одисей, натомлений блуканням

По морю синьому,

Я, втомлений життям —

— вирішив трохи відпочити від наших еміграційних справ і погуляти на свіжому повітрі.

Отже, кинувши на деякий час політику, я схопив плаща, не схопив капелюха, (бо погода була надто чудова) і вибів з дому.

«Травень! — думав я з захопленням, — весняне свято природи! Праздник труда і сверження оков!»

Помітивши, що мої думки мимоволі потрапили на протоптану ще в «країні трудящих» (і досить неприємну) стежку, я відразу ж завернув їх назад до природи.

«Травень! — почав я знову розчулено, — празд... тобто, свято весни. Найкращий весінний місяць. Якщо не згадувати про советські першотравневі демонстрації, (а про них абсолютно не варто згадувати, тому я цього і не роблю), то травень і, взагалі, весна, — найпоетичніша пора року. Найкращі вірші поети присвятили весні. Візьмемо хоча б того ж таки Рильського:

Мені обридли всі наркоматики...

... А на вербі зелені котики і ствол її зазеленів!

Прегарно сказав: мені обридли всі наркоматики. Тьху! Наркотики. А ствол верби, що зазеленів? Так і ввижається, наче живий. Між іншим, добре, що в цьому стволі немає канала. Скільки неприємностей зазнав я через цей канал на таборних зборах в СРСР! Ще й досі нібито чую: — А почему, товарищ, в вашей винтовке канал ствола опять не прочищен?! Десять нарядов вне очереди!! — Тут, братику, зазеленіш, як та верба...»

На цьому місці я знову помітив, що відхилився від весняних настроїв.

«І навіть я сконцентрувався саме на стволі? — подумав я гірко. — Адже, крім ствола Рильський згадує також про котики. Автім, після праць

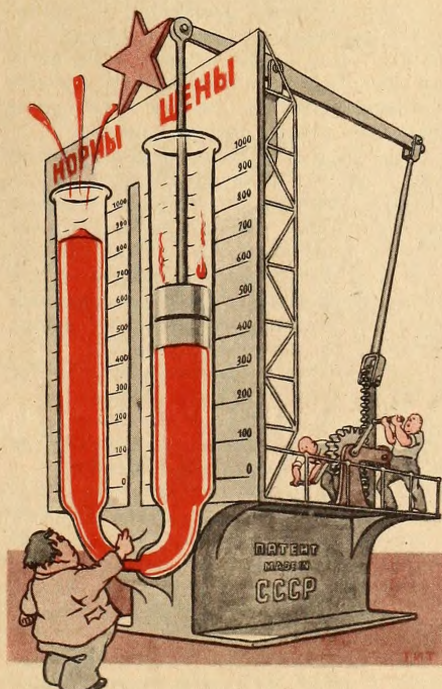
Мал. ТИТА

Чужоземні журналісти, яким Маженков дозволив відвідати Москву, повідомляють, що на вулицях цього міста вони бачили „ситі обличчя“ і „людей, задоволених з свого становища“.

— Навіщо ти одягаєш цивільне пальто?
— Приїхали чужоземні журналісти. Треба їм показати ситі обличчя і людей, що задоволені з свого становища!

Мал. ТИТА

Останнє досягнення советської техніки

Мічуріна, мабуть, на вербі замість котиків ростуть груші...»

Спіймавши себе на тому, що зараз почну думати про Мічуріна, Лисенка і яровізацію озимини, я вирішив обличити вірші і не відриватися від конкретного оточення.

А оточення, справді, було чарівне. Проживаючи в місті Мюнхені, я, звичайно, попрямував до Англійського парку і тепер саме вступав під його широкі шати. Газони були зовсім жовті від квітів, які нагадували бризки сонця. Десь у затишку кувала зозуля. Переборюючи асоціацію з відомим українським діячем Зозулею, а також намагаючись не дивитись на канали, що перетинали місцевість у всіх напрямках (вони нагадали мені клятий канал ствола), я почав думати про парк, лише про парк:

«Чудова річ цей парк в англійському дусі! Взагалі, Англія — чудова країна. Дуже демократична. От тільки чи не занадто дуже? Свобода, якою втішаються в Англії комуністи, здається, не виправдовує себе. Історія з атомовими дослідниками Фуксом та Понтекорво...»

Збентежений, я зупинився. Крук, що пролітав вгорі, насмішувато каркнув мені: «Понтекорррво!»

Тоді я, нарешті, винайшов дотепний вихід з становища. Я вибрав собі старе дерево з куюпою торішнього листа під ним, зійшов зі стежки, і —

Як Одисей, натомлений блуканням

По морю синьому,

Я, втомлений життям,

Приліг під тінню сокола старого,

Зарившись в листя, і забувши все...

Проте виявилось, що забувати про все — не слід. Я прокинувся від різкого німецького голосу:

— Геть з трави! Ви, мабуть, читати не вмієте!

Розтуливши очі, я побачив сторожа в зеленій уніформі. «Як ствол верби зазеленів!» — промайнуло у мене в голові. Хоч я читати вмів і там, де я лежав, трави зовсім не було, — я, все ж таки, підвівся і почимчикував додому. Т

СИЛЬНАЯ ДОЗА

Я слышал, что слишком большие количества яда иногда не оказывают действия.

Не знаю, правда это или только непроверенные слухи, но со мной однажды произошел случай, подтверждающий подобную теорию.

В тот год меня призвали на военную переподготовку. Как известно, нигде не бывает такой зеленой скуки, как в красных военных лагерях. Но на сей раз я чувствовал себя в лагере, как в доме отдыха.

Страна социализма снова переживала очередной пароксизм и корчилась в судорогах «чистки». Между тем, я неосторожно выбрал своих родителей и мое социальное происхождение оставляло желать лучшего. Если взяли в армию, — рассуждал я, — значит, не возьмут за решетку.

И, действительно, первый месяц все шло тихо и благородно. Однако, затем я стал замечать, что политрук шепчется с командиром роты и оба бросают на меня типичные косые взгляды. Я хорошо знал эти косые взгляды и шушукания.

Засим произошло то, что должно было произойти. Меня вызвали к командиру роты. Там уже сидели комсорг и замполит. Помню, что в голове моей стало пусто, совсем пусто. Я только глупо улыбался и мысленно повторял нелепое двустушие:

Собрался тут весь синклит,
Политрук и замполит...

Командир роты начал издали и речь его доносилась до меня тоже как бы издали. Он говорил о том, что мы должны быть бдительны. Враги народа, шпионы, диверсанты, агенты Уолл-стрита, мелкобуржуазные националисты и безродные космополиты проникают отовсюду...

Голос замполита звучал все глуше и глуше, а нижнюю половину комсорга заволочило туманом. Я почувствовал, что меня тошнит. В голове промелькнуло новое двустушие:

Политрук — сидит без брюк,
А замполит — космополит...

Постепенно до моего сознания дошло, что замполит переходит на личности. Он говорил:

— Мы не должны думать, что враги пролезают на высшие должности. Нет, они, как клопы, забираются в каждую роту, в каждый взвод, в каждое отделение...

«Сейчас он назовет мою фамилию» проплыло в затуманенной голове. Тогда я внезапно поднялся со стула и тихо, но отчетливо произнес:

— Что ж, товарищи, мне остается только сознаться. Да, я собирался свергнуть советскую власть и уже многих успел вовлечь в свой заговор.

Я сделал это совершенно неожиданно для самого себя. Однако, мой посту-

пок, повидимому, оказался совершенно неожиданным и для моих собеседников. Замполит, прерванный на полуслове, так и остался сидеть с открытым ртом, как бы ожидая, что ему положат туда пищу. Комсорг, видимо, отличавшийся быстрой рефлексивностью, опрометью бросился к дверям и скрылся, утопая в сиянии го-

лубого дня. А командир роты, побагровев, как петлицы на его гимнастерке, трахнул кулаком по столу и бешено зарол:

— Ты лжешь, пр-редатель!

— Нет, товарищ командир, — повторил я скромно, но с достоинством, — я не лгу. Если хотите, я могу даже перечислить лиц начальствующего состава, которым передавал деньги от одного знакомого американского банкира.

Очнувшись я в пустой палатке. Выглянув, я увидел описывающих круги часовых с автоматами на груди. Часовые явно старались держаться на почти-тельном расстоянии. Я понял, что терять мне, кроме головы, нечего, и что голову я потеряю в самом ближайшем будущем. Затем в мою палатку вошел растерянный военврач Дудкис.

— Ну, как вы себя теперь чувствуете? — спросил он дрожащим голосом.

— Спасибо, ничего себе, — ответил я. — А вот вы, доктор, что-то бледноваты. Может быть, отвести вас в лазарет?

Дудкис отклонил мое любезное предложение и стал задавать мне вопросы о том, какое сегодня число, какого цвета мои портянки (на что, между прочим, я затруднился ответить) и много ли было сумасшедших среди моих предков по обеим восходящим линиям.

Этот академический разговор не подходил к моему душевному состоянию, а потому я прервал эскулапа следующими словами:

— Я вижу, доктор, что вы хотите сделать из меня душевнобольного. Но это, товарищ Дудкис, дудки-с. Я вполне нор-

мален, что и докажу сейчас, задав вам, в свою очередь, ряд чисто практических вопросов.

Тут я приблизился к отшатнувшемуся врачу и вкрадчиво прошептал:

— Скажите, доктор, какого цвета американские доллары? И много ли ваших предков по обеим восходящим линиям находятся в США? Сознаться откровенно: что вам нравится больше — американские доллары или советская власть?

Дудкис пулей вылетел из палатки и более не возвращался. Я упал на топчан и заснул мертвым сном.

Ночью я проснулся от топота приближающихся шагов.

— Начинается! — подумал я, вскочив со своего ложа. — Или, вернее, кончается!

Меня вывели из палатки, окружили тесным кольцом и повели на ближайшую железнодорожную станцию. В ответ на все мои попытки завязать непри-нужденный разговор слышалось только звяканье оружия.

Не доходя десяти шагов до станции все остановилось. Откуда то еще раз появился Дудкис, напоминающий собственное привидение.

— Вот, — проблеял он, тыча какую-то бумажку и клаясь своими (то есть, искусственными) зубами, — вы освобождаетесь от лагерного сбора по боблени...

Затем Дудкис растаял во тьме, как призрак, а за ним исчез и мой молчаливый конвой.

— Странно, — размышлял я в вагоне, который, ритмически постукивая, мчался в ночь. — Очевидно, меня арестуют дома. Но для чего такая сложная комбинация?

И вот, случилось нечто невероятное — ничего не случилось. Проходил день за днем, месяц за месяцем, а я оставался невредим.

Лишь несколько лет спустя я узнал разгадку этого таинственного происшествия, которую, впрочем, смутно прозревал. Я встретил в одной из пивных тогдашнего комсорга. За это время его почему-то исключили из кандидатов партии, вследствие чего он стал общительнее.

— Откровенно говоря, — сознался бывший комсорг, — мы хотели тогда придаться к твоему происхождению ишить маленькое дело. Начальство уж очень напирало, — дескать, где же ваша бдительность, если ни одного социально-чуждого элемента — разоблачили? Если бы ты стал оправдываться, или, там, сознался в каких-либо настроениях, — тут бы тебе и капут. Но когда ты ляпнул про заговор — мы опупели. Посуди сам, это, ведь, весь полк станут перетряхивать. Тут уж не станут разбираться, кто прав, кто виноват. А нам тоже жить еще не надоело. Вот мы и решили дело сразу же замять, а тебя сплавить к чертовой матери!

Г. Н.

Учитель и ученики

(Современная китайская сказка)

Рисунки А. ЕНИСЕЙСКОГО

В небольшом старинном городе жил старый-престарый учитель. Его имя было очень длинным и трудным. Поэтому мы передадим это имя более простыми и понятными словами. Оно обозначало: «Тот, кто познал стоимость всего сущего».

Дети очень любили своего учителя, так как он был не только бесконечно мудр, но и бесконечно добр. В хорошую погоду они часто просили его отпустить их погулять вместо утомительных занятий.

— Хорошо, — говорил, лукаво улыбаясь, старик. — Но перед этим я прошу вас дать мне двадцать два красивых сравнения для мотылька, девятнадцать — для солнца и одиннадцать для молодых побегов бамбука.

Ученики охотно выполняли просьбу своего наставника, отправлялись гулять и радовались солнцу, мотыльку и бамбуку, припоминая свои сравнения.

Но вот старый город заняли войска Мао-Дзе-Дуна. Старому учителю, преподававшему более шестидесяти лет, пришлось уйти. Этот мудрый человек не мог припомнить даты рождения Карла Маркса. В школу пришел новый учитель, назначенный коммунистами.

Как то выдался солнечный день и ученики обратились к нему со своей обычной просьбой о прогулке.

— Хорошо, — сказал новый учитель с недоброй улыбкой. — Но сперва вы должны ответить мне на вопрос: что такое дерево?

— Это предмет, более других ласкающий наш глаз, — быстро ответил первый ученик в классе. — В тени шелестящего дерева приятно помечтать и соснуть в погожий летний день.

— Плохо, очень плохо, — поморщился учитель. — Так можно проспять мировую революцию!

Тогда поднялся последний ученик, злой забияка.

— Дерево, это предмет, из которого можно делать приклады для винтовок народной армии, — сказал он. — Кроме того, на развешенных ветвях удобно вешать врагов народа.

— Отлично! — воскликнул учитель. — Можете идти гулять.

Дети вышли в сад, но странно: деревья не давали им больше радости.

— Наш новый преподаватель, видимо, еще не познал стоимости всего сущего, — шепнул один ученик другому.

— О, нет! Он говорит только о «прибавочной стоимости», — грустно ответил его товарищ.

В разработке тем и материалов для номера принимали участие: С. Белоусов, Ю. Большухин, Н. Гурьев, Б. Давний, П. Дорн, О. Кромади, Э. Иванова, И. Ирклев, Н. Иркилин и А. Перфильев.

Журнал является членом Союза Свободной Прессы Центральной и Восточной Европы, Балтики и Балкан.

Издатель: Общество „Satirikon“ е. В.

Главный редактор: Ф. Тарасов

Всю корреспонденцию направлять по адресу: „SATIRIKON“, FRANKFURT/MAIN-WEST 13, POSTSCHLISSFACH 1364 A

PRINTED IN GERMANY

„САТИРИКОН“

можно получить по

нижеуказанным адресам:

- Argentina:** 3,5 pesos
"Peremoha", 25 de Mayo 479/(26), Buenos Aires.
V. Werbitzkij, "Kiosko", Zamudio 5541 Buenos Aires.
D. Konstantinov, „Novoie Slovo“ („Nueva Palabra“); Casilla de Correo 2585, Buenos Aires.
- Australia:** 1 sh 3 d
Mr. I. Wedrow, Russian Book Post 5 Vernon st. Strathfield, N.S.W.
E. A. Napalkoff, Room 31; 3, King's Cross Road, King's Cross — N.S.W.
B. Jatzenko, 145, Lintonstreet, Kangaroo Point Brisbane
Mrs. Z. Ilijnsky, 480 Hay Str. Perth West Australia
O. Perckrestov, 195, Beaconsfield PDE, Middle Park, Melbourne, Victoria
- Belgique:** 10 fr
Librairie Slave, 15 rue Roumanie, Bruxelles.
V. D. Gempel, 526 rue Saint Gilles, Liège.
L. Maslenko, 24 Place des Franchises, Liège.
G. Kartachoff, 81 rue du Preay, Thier-a-Liège.
- Brazil:** Cr. 4.00
Sen. A. Severing Caixa Postal 2952, Rio de Janeiro.
Sen. L. Rubanov, Caixa Postal 8405 Correo Central, Sao Paulo.
- Canada:** 35 cents
Mr. G. N. Esauloff, 67 Petman Ave. Toronto.
S. Sauer, 118 Smith Str., Winnipeg, Man.
- Chile:** 14 pesos
Sen. N. Rogalev, Allende Padin 2128, (por Beaucheff altura 1705) Santiago de Chile
- France:** 60 fr
"Le Semis", 6 rue de Bizerte, Paris (17 "La Renaissance", 73 Ave. des Champs Elysees, Paris (8)).
- Great Britain:** 1 sh
Russian Book Shop V.V. Baratchevsky, 26 Tottenham street, London W 1
A. Golovsko, 84 Little Horton Lane Bradford, Yorks.
- Greece:**
George Mazarakis & Co., 9 Patission Street, Athens.
- Iran:**
Librairie L. A. Popoff, 275 Ave Ferdowsi, Teheran.
- Maroc:** 60 fr
A. Zvikevitch, Boite Postale, Ain Sabaa, Casablanca.
M. Kouzmenko, Cite Bournazel, Casablanca.
- Norge:** 1 kr
F. Tarakanoff, Krusesgt. 5-b, Oslo
- Osterreich:** 3,5 S
A. Kolomojzew, Salzburg, Lager Parsch, 2/10.
- Sverige:** 1 kr
Bokhandel "Elita", Dalarö.
- Turquie:** 60 pt
Nadir Bek, Karaköy Palas, 3 Kat. No. 14, Galata, Istanbul. Розн. продажа Istanbul, Galata Saray. (против английского посольства).
- USA:** 35 cents
Генеральный представитель на США и КАНАДУ
A. J. Neimanis, Distributor Books & Magazines, P. O Box 450, Flushing, New York, N. Y.
Розничная продажа
A. Belchenko, 455 20th Ave., San Francisco, Calif.
Mr. W. Boyew, 4852 SO Ashland Ave Chicago 9, Ill
Bookstore W. Magun, PO. Box 561, Cooper Sta., New York, N. Y.
I. Makohin, 841, N. 6th Str., Philadelphia, P. A. 25.
- Venezuela:** 0.8 bolivar
Alexei Kandaurov, San Lorenzo a San Antonio 20, Parroquia San Jose; Caracas.
- В ГЕРМАНИИ цена отдельного номера 70 пфенигов.
При заказе отдельных номеров журнала непосредственно в издательстве — прилагать два международных почтовых купона за экземпляр.

Пока в Корее голубки
На ветви мирные садятся —

Уже советские «жуки»
В Индо-Китае шевелятся!